

RU

Модель отечественного политического процесса: историософский дискурс (статья 1)

Тамбиянц Ю. Г., Гринь М. В., Иваненко И. Н.

Аннотация. Цель исследования заключается в осмыслении современного историософского дискурса политической динамики России на предмет выявления ключевых аспектов отношения власти и общества. Научная новизна заключается в типологизации методологических подходов современных исследований, нацеленных на целостную картину отечественного историко-политического процесса. На основании вычленения общих моментов историософских подходов сформирована некая обобщающая модель политической динамики отечественного социума. В результате показано, что современный историософский дискурс российской политической динамики акцентирует внимание на усиливающемся дистанцировании государства и общества, прерывающемся весьма ограниченными и фрагментарными попытками их взаимодействия, обычно продиктованными лишь ситуационной необходимостью. Авторы считают подобный подход несколько ограниченным ввиду чрезмерного смещения акцентов на противоречия государства и общества, оставляя за кадром противоречия внутри элит.

EN

Model of the Domestic Political Process: Historiosophical Discourse (Article 1)

Tambiyants Y. G., Grin M. V., Ivanenko I. N.

Abstract. The aim of the study is to comprehend the modern historiosophical discourse of the political dynamics of Russia, in order to identify the key aspects of the relationship between the power and society. The scientific originality lies in the typology of the methodological approaches of modern research aimed at a holistic picture of the national historical and political process. On the basis of isolating the general points of historiosophical approaches, a certain generalizing model of the political dynamics of the domestic society has been formed. As a result, it is shown that the modern historiosophical discourse of Russian political dynamics focuses on the growing distance between the state and society, interrupted by very limited and fragmentary attempts of their interaction, usually dictated only by situational necessity. The authors consider this approach to be somewhat limited due to an excessive shift in emphasis on the contradictions between the state and society, leaving behind the scenes contradictions within the elites.

Введение

Актуальность. Постсоветская история России актуализировала ряд вопросов. Дискредитированный классовый подход уступил место популярным на Западе концепциям правового государства и гражданского общества, которые явно «забуксовали» при соотнесении их с политическими реалиями. В начале 90-х годов произошло фактическое ослабление пресса государственного регулирования, за которыми предполагались сдвиги в направлении демократизации общественной жизни в целом. Однако общественная жизнь 90-х годов не столько демократизировалась, сколько криминализировалась, а воцарение с 2000-х годов путинской системы власти, которая с каждым новым сроком приобретает все более зримые советские характеристики, устраивает значительный и возможно больший процент населения, пусть и в смысле «меньшего зла».

В попытках дать объяснение подобному феномену, недостатка нет. Но, нам представляется, что трактовки вроде «демократической незрелости населения» или указания на упорно не желающую делиться властью «партию жуликов и воров» весьма поверхностны, мало что объясняя по существу. Для более глубинного понимания неудач демократизации следует погрузиться в историческую политическую традицию, характеризующую взаимоотношения субъектов политических отношений, при этом затронув фундаментальные основы отечественного политогенеза. Естественно, что это возможно сделать только с историософских позиций, ведь зарождение особой системы высшей власти, ее отделение от остального общества в качестве определенной институциональной

структуры, наконец, характер складывающихся механизмов управления и властвования – все это подвержено комплексному влиянию множества факторов, природного и социального характера (Гринин, 2011).

Вместе с тем обобщающих работ, где бы в целостности осмыслился комплекс условий зарождения отечественной государственной власти и ее развития, не так уж много. В данной статье мы бы хотели остановиться на наиболее значимых, с нашей точки зрения, трудах, отвечающих данному критерию и составляющих историософский дискурс. Их критический анализ позволит нам вычлениить моменты, наиболее значимые уже для нашего концептуального видения, которое мы намерены предложить в следующей работе. В данной статье мы, по сути, занимаемся накоплением базисного теоретического знания.

Заявленная цель исследования предполагает реализацию следующих задач: во-первых, определение границ историософского дискурса, где рассматривается целостная картина политической динамики российского общества, типологизация содержащихся в них методологических подходов; во-вторых, выявление общих моментов данного историософского дискурса, которые могут послужить элементами расширенного методологического синтеза изучения исторически устойчивых российских внутривластных трендов. Для осмысления историософского дискурса применяются следующие методы исследования: методы анализа, герменевтики, типологизации, методы синтеза и моделирования, системный подход, метод историзма, диалектический метод. Теоретической базой исследования послужили научные труды отечественных авторов: Н. Бердяева, Л. Милова, С. Лурье, Н. Эйдельмана, В. Журавлева, осмысление которых происходило с позиции материалистического подхода проверки теории практикой, в наиболее акцентированном виде выраженном в марксизме.

Практическая значимость заключается в том, что для формирования адекватной политической и управленческой практики центральной власти необходимо адекватное представление об устойчивых и переменных источниках российского политического континуума. Формирование также в массовом сознании подобных же представлений защищает его от воздействий далеко не всегда конструктивного влияния западных моделей, где ставка делается на иные в содержательном плане понятия, имеющие собственную культурную и ментальную почву.

Основная часть

Политическая составляющая отечественного исторического процесса представляет значительный интерес для науки, что отражено в немалом количестве статей и монографий. При этом в упомянутом массиве работ условно выделяются концепции, где предпочтение отдается экзогенным факторам, когда Россия рассматривается в основном как объект внешних влияний, с которыми взаимодействуют внутренние факторы. Например, цивилизационный дискурс, в рамках которого имеется очень много интересных исследований, не лишен все же определенного налета априоризма, что несколько ослабляет его научные позиции. Западник В. Кантор не сомневается, что Россия есть европейская держава, и, соответственно, выстраивает собственные рассуждения, исходя из этой установки (Кантор, 1997). С западными критериями предпочитает соотносить положение дел в России философ Ю. Пивоваров, оперируя фактами, отобранными в угоду этой предпосылке (Пивоваров, 2004). Почвеннические устремления С. Кара-Мурзы побуждают его решительно отрицать какое-либо родство с Западом, определяя усилия в этом направлении как недопустимые (Кара-Мурза, 2011). Очень оригинальна и содержит немало конструктивных идей концепция В. Цымбурского, где он отталкивается от понимания России как своеобразного «острова», расположенного на устойчивой цивилизационной платформе, окруженного проливами-лимитрофами с более текучими и изменчивыми цивилизационными принципами (Цымбурский, 2021). Как бы то ни было, но в концепциях перечисленных авторов предлагается не так уж много в плане понимания сущностных особенностей политической составляющей России. Для нашего предмета исследования нам представляются более подходящими работы, где ставка делается на анализ внутренних (эндогенных) обстоятельств, хотя авторы таких работ не отрицают и внешние влияния, порой, приобретающие главенствующее значение.

С нашей точки зрения, среди русской религиозной философии наиболее насыщенными политической проблематикой являются труды Н. Бердяева. В трактате «Судьба России» предлагается весьма оригинальное, пусть и не лишённое чрезмерной умозрительности видение, по сути концептуализирующее известный тючевский афоризм – «умом Россию не понять... В Россию можно только верить». Н. Бердяев считает антиномичность ключевой методологической установкой для понимания отечественных процессов. Противоречиями полны как российское историческое бытие, так и духовное творчество (Бердяев, 2000, с. 273). Наиболее характерные здесь антиномии – святая Русь и звериная Русь, космополитический мессионизм и преклонение перед иноземным, наконец, крайний этатизм и явление русского духа – анархизм.

Русским присуща покорность перед государством, однако последнее народу фактически чуждо, выступая внешним принципом. Этатизм как характерная черта русской ментальности обусловлен «властью пространств». Русская земля властвует над человеком, а не наоборот, как у европейцев, потому порабощенные пространствами русские принуждены к созданию огромного государства на своих обширных территориях. При этом размеры отечественного государства держали народ в постоянном напряжении, ставя ему непосильные задачи и почти не оставляя возможностей для свободного творчества. Как резюмирует Н. Бердяев, русские пространства определили подобный исторический склад российской государственности. Выход, по мнению мыслителя, заключается в том, что русский человек должен освободиться от власти пространств и сам овладеть пространствами, что отразится на специфике политического сознания. «Государство должно стать внутренней силой русского народа, его собственной положительной мощью, его орудием, а не внешним над ним началом, не господином его» (Бердяев, 2000, с. 329).

Сильной стороной теории Н. Бердяева является предлагаемое сочетание объективных и субъективных факторов, результирующихся в политическом поведении. Интересны интуитивные прозрения мыслителя по поводу отражения обширной пространственности в национальном бессознательном. Тем не менее бердяевская теория метафизична и как бы задает направления научному поиску, который должен реализоваться в более углубленных исследованиях, пусть и более ограниченного охвата. Представляется, что это следующие аспекты: *географический*, где делается упор на природную обусловленность политических процессов; *социокультурный*, предполагающий выяснение коллективных мировоззренческих установок по поводу власти и ее функций; наконец, *институциональный*, касающийся характерных особенностей взаимодействия власти и общества.

Приверженцем географического детерминизма принято считать историка Л. Милова, хотя концепция этого ученого вовсе не сводится исключительно к выявлению природной обусловленности. Географический контекст исторических россиян был таков, что даже максимальное напряжение и мобилизация всех ресурсов не гарантировали высоких объемов совокупного прибавочного продукта. Подобная ситуация, порождала определенные компенсационные механизмы, из которых на первый план выходят, во-первых, крестьянская община, выручавшая каждое индивидуальное крестьянское хозяйство в критические моменты производства; во-вторых, создание жесткой государственной власти, располагающей рычагами изъятия совокупного прибавочного продукта, необходимого обществу в первую очередь для обеспечения функционирования собственно государственного аппарата.

Отсюда становление российского самодержавия и неотделимого от него крепостного права явилось реакцией на упомянутые природные вызовы. Особенностью российской власти была нацеленность на максимальную мобилизацию ресурсов социума. Благодаря крайнему напряжению сил Россия с XVIII в. превратилась в сильнейшее европейское государство, однако подобное развитие было асимметричным, что привело в итоге к трем революциям и смене общественного строя. Однако и советская власть при всех своих достижениях так и не ликвидировала асимметричности развития, перекачивая ресурсы, села в строительство фабрик и заводов. Мобилизационные принципы управления срабатывали в период форсированной индустриализации и Великой Отечественной войны, но затем практика управления требовала радикального пересмотра в сторону гармонизации личных и общественных интересов. Добившаяся относительного благополучия советская система так и не смогла отладить систему самоуправления и действенного контроля «низов» над «верхами», что предопределило диктатуру партийных вождей и всевластие партийно-государственной элиты (История России..., 2006, с. 8-10).

При всех весьма точных наблюдениях Л. Милова по поводу специфики отечественного политического процесса, для более полной его картины необходим подход, предполагающий некую диалектику историзма. На это справедливо обратил внимание историк из Санкт-Петербурга А. Дворниченко. По его словам, географические или природные условия «на одном этапе общественного и государственного развития способствуют формированию той или иной устойчивой системы, а уже на последующих этапах данная система в гораздо меньшей степени начинает зависеть от географической среды, в свою очередь, оказывая на нее сильное влияние» (Дворниченко, 2010, с. 28).

Научный поиск в рамках определенного нами *институционального* направления ведут ученые, более озабоченные проблемами либерализации и демократизации отечественной политической среды. Историк Н. Эйдельман рассматривает отечественную политическую динамику через определение характера обратных связей между государственной властью и обществом (Эйдельман, 2021). Здесь российский опыт отличается от западных стран именно слабостью этих самых обратных связей. Объективный контекст, преимущественно связанный с постоянной военной опасностью, заставил российские земли объединиться намного раньше, чем сложился необходимый уровень товарности и буржуазности, которые обеспечили бы более естественное и органичное общественное единство. «Недостаток объединяющей, скрепляющей силы, которую на Западе играло “третье сословие”, с лихвой взяло на себя само российское государство» (Эйдельман, 2021). После петровских реформ, старое патриархальное управление заменилось на новый разветвленный административный аппарат, пронизывающий всю империю. С этих пор внутренний политический процесс стал полностью регулироваться государственной властью, что Н. Эйдельман характеризует как «революция сверху». Поначалу преобразования весьма эффективны, так как осуществляются актором, обладающим наибольшей политической субъектностью. Однако «революция сверху» превращается в антитезис впоследствии, когда реформы требуют «общественного продолжения». Только при активном участии и содействии общества начатые высшей властью перемены могут реально закрепиться, усвоиться большинством и продолжиться. Но в России власть если и подключала в некоторых случаях общество к реформам, то очень ограниченно и ненадолго, с самого начала беря под жесточайший контроль все «низовые» инициативы.

Результатом такого рода внутренних политических процессов стала своеобразная роль народных масс, которую Н. Эйдельман лаконично характеризует следующим образом: «...огромная энергия, но самостоятельности, инициативы куда меньше, чем исполнения воли верхов». Показательно, что историк обращает внимание на то, что новая бюрократизация не замедлила проявиться и во вновь созданной советской системе, несмотря на серьезные попытки создания институтов, где централизованная власть сочеталась бы с демократией и самоуправлением. Причины этого видятся в том числе и в длинной, многовековой традиции сверхцентрализации и «нетоварности» (Эйдельман, 2021).

В близком, но более многозначном ключе рассматривает специфику российской политической эволюции В. Журавлев. Социально-историческую динамику России этот ученый предпочитает характеризовать в терминах «аритмии», «лихорадочного пульса российской истории», отражающих логику дихотомии реформ и революций в отечественных политических процессах. Под этим понимается скачкообразность социальной эволюции

России, когда «более или менее равномерное поступательное развитие социума “вдруг” сменяется этапом качественного скачка в обстановке “прерыва непрерывности”», несущего малопредсказуемые последствия. С целью минимизации подобных последствий отечественная политическая система путем проб и ошибок выработала своеобразный механизм *движения зигзагами*, в рамках которого значительная роль отводилась контрреформам. Последние не то чтобы возвращали общество на дореформенные рубежи, а скорее, были частью алгоритма «полтора шага вперед – шаг назад – полтора шага вперед», объективно блокируя возможности перерастания российских реформ в неуправляемый взрыв (Журавлев, 2016, с. 665, 666).

В. Журавлев усматривает основу подобной цикличности в перманентной социальной контрастности общества. Речь идет о социальной поляризации и почти постоянной непримиримости идей власти и оппозиции. В отечественной властной системе веками преобладают рычаги подавления над механизмами регулирования и оптимизации социальных процессов, предопределяя «практически неиссякаемый источник стабильного взаимного недоверия власти и общества, господства в нем конфронтационной политической культуры» (Журавлев, 2016, с. 669). Прессинг власти по отношению к обществу порождал соответствующую реакцию – радикализм оппозиционных сил. Последние диктату власти противопоставляли собственный диктат. Но и в тех исключительных случаях, когда оппозиция стремилась к компромиссу с властью, та предпочитала видеть здесь слабость, отталкивая протянутую ей руку (Журавлев, 2016, с. 669).

В. Журавлев делает важное замечание о том, что возникающий в обстановке конфронтации государства и общества подобный образ действий власти затем становится фактором самовоспроизводства данной конфронтации. И здесь значительную, а возможно, и решающую роль играет бюрократия, имплицитно стремящаяся к количественному росту и расширению влияния (Шевченко, 2008). Это ведет к окостенению общественного организма, неподвластного органическим последовательным изменениям. «Взамен терапии постепенных реформ история России припасла на эти случаи и широко опробовала хирургию вторжения в общественный процесс, как в виде социального взрыва (массовых народных движений, революций), так и в форме инициированных самой властью... “революций сверху” – этого специфического способа в пожарном порядке, не ограничивая себя в средствах, не останавливаясь перед ломкой устоявшихся норм и институтов, вскрытия созревшего и перезревшего абсцесса системного кризиса в стране» (Журавлев, 2016, с. 669-670).

Точки зрения Н. Эйдельмана и В. Журавлева, по сути, редуцируются к тезису о противостоянии государства и общества как характерной устойчивой черте российского политического процесса. Во многом соглашаясь с подобным заключением, имеет смысл попытаться несколько антропологизировать данную проблему. Ведь структуры власти, а также общества формируются из одного и того же человеческого материала, сформированного в схожих социокультурных условиях – национально-культурной традиции, медиапространстве, идеологических течениях. Как высказался в одном из интервью режиссер Ю. Быков: «Мы привыкли обвинять в своих бедах чиновников, потом через брата-свата по благу сами становимся чиновниками и начинаем вести себя так же» (Быков, 2010). Возможна гипотеза, что человек, попав во властные структуры, максимально проникается корпоративным сознанием с сильной установкой неприятия или по крайней мере настороженного отношения к низовым инициативам.

Социокультурный подход С. Лурье помогает несколько приблизиться к решению подобной проблемы. Она исходит из взаимоотношений русской общины и российской государственности, вскрывая его глубинные истоки. Институт общины выступает в виде своеобразного посредника между обществом и государственной властью. Опираясь на ряд экспертных суждений, а также на данные источников, С. Лурье исходит из понимания общины – «мира» как основного типа русской социальности (Лурье, 2004). Община являлась очень гибким организмом, способным менять свои внешние формы и приспосабливаться к различным условиям. Общинные формы образовывались сразу в любом месте российской крестьянской колонизации. Критерием общины выступало достаточное количество дворов для возможности установления ее нормального самоуправления и функционирования. Несмотря на разнообразие форм (община-волость, община-деревня), всегда сохранялась внутренняя сущность общины в качестве самоуправляющегося «мира», ее стремление быть автономной самодостаточной целостностью, замыкая на себе внутренние процессы, происходящие в пределах данного «мира».

Мировоззренческой основой общинного уклада выступала сакрализованная установка «неразрывной связи народа с землей», откуда следовал принцип справедливого ее распределения. Осмысляя ментальные основы общинного порядка, князь А. Васильчиков отмечал характерную отечественную особенность, что в слиянии двух коренных начал всякой гражданственности – личного и поземельного – в России явно преобладание второго над первым, причем с самых «первобытных времен нашей исторической жизни». Отсюда даже в официальных документах широко употребляются понятия «земля», «земство», «земские чины» (Васильчиков, 2013, с. 61).

Для взгляда «снизу» структура русского общества «представляла собой нечто вроде федерации “миров”... при полной автономии каждого конкретного “мира”. Так, “миром” считались и улица, и городской конец (район), и сам город. “Миры” каждого региона объединялись в земство, а то уже в свою очередь входило в состав государства. Собственно же государство понималось в качестве объединяющей многочисленные “миры” системы, то есть воспринималось как обширный “мир” или, другими словами, как большая община. Придавая общинный смысл высшей власти, народные массы наделяли ее своеобразным верховным авторитетом», в чем, собственно, и заключался сущностный смысл мирского этатизма (Лурье, 2004). Однако реальное российское государство обычно мало соответствовало подобному представлению его в качестве «мира». В ходе процессов централизации, установления крепостного права, а впоследствии – и системы абсолютизма сформировалась государственная машина, на практике полностью расхопившаяся с тем самым образом, сформированным общинным мышлением.

Централизованное московское государство взяло на вооружение принцип «византизма», суть которого заключается во всяческом стремлении к гомогенности территории и приведении населения к единообразию. Унификация обширной и разрастающейся территории предполагала игнорирование регионального, этнического разнообразия населения, то же самое касалось и русской общины, «мира». Причем, государство не столько стремилось разрушить «мирской строй», сколько попросту не замечало и не считалось с ним, естественным образом ограничивая его. По мысли дореволюционного исследователя А. Беляева, брала свое сила вещей, и уже при Иване III московская централизация сильно расшатала общинные порядки, с небрежением относясь к «требованиям местных земщин» (Лурье, 2004). Подлинное государство «смотрело на народ главным образом как на источник пополнения казны и формирования армии», а общинная солидарность использовалась лишь для сбора налога. Даже в период официальной политики поддержки общины при Александре III правительственными распоряжениями допускалось полное отрицание общинных прав.

Общинный «мир», носителем которого являлось народное большинство, был естественно враждебен унитарной государственности, сглаживающей все различия и мешающей самостоятельности. Это порождало специфически российский феномен бегства от государства, который «составляет все содержание народной истории России» (Лурье, 2004). Уход и бегство народа от государственной власти приводило в итоге к реализации государственной функции колонизации новых территорий, поскольку вслед за народом, селящимся на новых землях, приходила та же государственная власть, закрепляя под собственной юрисдикцией эти территории, заодно обрабатывая переселенцев вновь в собственных подданных. Тем самым конфликт между народом и государством парадоксально вел к укреплению государства, в чем заключен один из факторов могущества Российской империи.

Констатируя жесткие различия «мирского» этатизма и государственного официального этатизма, С. Лурье констатирует их пересечение в образе царя, как своего рода верховного арбитра и народного заступника. Хотя «в двух этих системах образ царя имеет отчасти различное содержание, но тем не менее дает определенную возможность прямой коммуникации между ними: государственная пропаганда может обращаться к народу на понятном для него языке» (Лурье, 2004). Образ царя как народного защитника глубоко укоренен в отечественном сознании, и, хотя данное убеждение часто опровергалось на практике, это мало колебало его устои. Логика подобного представления превращала государственную администрацию в лукавых неверных слуг, которые мешают непосредственной связи народа со своим царем. С. Лурье выдвигает гипотезу, что подобный царский образ сложился в народном сознании как реакция на постоянный конфликт между народом и государством, своего рода психологическая защита (Лурье, 2004).

В результате С. Лурье приходит к выводу, что оппозиция «русская община – Российское государство» оказывается на поверку ложной. Даже в своих крайних антигосударственных проявлениях русские оставались, по своей сути, государственниками. Подобный тезис можно подкрепить несколькими историческими фактами. Первый касается периода Смуты, когда кризис государственной власти едва не привел к потере национальной независимости. Однако именно сила земских связей позволила организовать отпор польским захватчикам, а затем восстановить вертикаль государственной власти. Второй факт связан с революционными событиями первой половины XX столетия. Одержав победу смогли те революционные силы общества, которые фактически восстановили традиционную государственность, в определенном смысле реформативную ее. Историк В. Кожинов именно этим объясняет переход большого числа первоначальных сторонников царского режима на сторону большевиков уже непосредственно в ходе Гражданской войны (Кожинов, 2008).

В некотором роде синтезирующей все названные позиции может считаться концепция историка А. Дворниченко, которая по уровню теоретизирования вполне может рассматриваться как историософская с явным уклоном во внутривластную составляющую. Этот автор рассматривает весь ход отечественной истории с точки зрения конфронтации земской и государственной традиций. Следуя принципам историзма, А. Дворниченко констатирует различные варианты соотношения сил на тех или иных этапах. Например, в киевский период явный перевес сил был на стороне земской традиции, которая сумела подчинить княжескую власть – это было время господства общины во всех сферах жизни (Дворниченко, 2010, с. 930). Затем по мере укрепления княжеской власти, она начинает все успешнее конкурировать с общинным управлением, подминая его под себя и превращая в «самоуправление», а в тех местах, где институт веча все же сохранялся, он терял присущие ему державные функции, замыкаясь на более узких вопросах. В XV-XVII вв. окончательно восторжествовала тенденция формирования самодержавного государственно-крепостнического строя (ГКС), политической формой которого являлось самодержавие. Это сопровождалось закрепощением крестьянства как основной массы населения, и, что вполне естественно, дальнейшим наступлением на местные вольности. В то же время названный исследователь делает уточнение в духе С. Лурье: несмотря на то, что самодержавие с его расширяющейся бюрократией представляло собой реальную альтернативу земщине, отечественный уникальный ГКС «появился на свет в результате причудливого сочетания земской и государственной традиций» (Дворниченко, 2010, с. 932).

Именно данный тренд господствовал, по мнению А. Дворниченко, в отечественной внутренней политике, в результате чего земщина неизменно теряла свои позиции. Он подчеркивает, что характер шагов высшей власти не был однолинейным – периоды большей централизации могли сменяться некоторой децентрализацией. Однако общий итог заключался именно в большей централизации и бюрократизации государственной системы. Обратной стороной данного тренда может считаться эволюция вольного казачества, концентрирующего наиболее пассионарные элементы отечественного социума, а также русский бунт. Но с развитием государственности оба эти явления сущностно выхолащиваются. Современный бунт часто становится неотделимым от политического шоу, а современное казачество стоит рассматривать не в социально-функциональном, а только в социокультурном смысле, как один из постмодернистских феноменов.

Заключение

Таким образом, историософский дискурс отечественной политической динамики охватывает круг факторов природного, культурного и политико-исторического плана. При всех методологических различиях авторов рассмотренных концепций их рассуждения возможно редуцировать к некоторым схожим моментам. Они справедливо ведут речь о солидной дистанции, отделяющей государство и общество, о весьма фрагментарных и довольно ограниченных попытках их взаимодействия, как правило, продиктованных лишь ситуационной необходимостью. По ходу российской истории государство, выступая в качестве главного субъекта политических и социальных процессов, структурно разрасталось, расширяя институциональный охват части общества, привлеченного к выполнению государственных функций (феномен бюрократизации). В итоге государственная власть склонна все меньше обращаться к общественным организациям и группам по проблемам общенационального управления, что усиливает взаимное отчуждение государства и общества.

Не отрицая здесь определенного механизма отечественной политической динамики, мы все же полагаем, что поиск ее движущих источников не обязательно ограничивать кругом противостояния государства и общества. Дело в том, что внутри лидирующих групп отечественного социума имели место собственные противоречия, которые по своей значимости также вполне уместно рассматривать в качестве факторов социально-политических процессов. На данной проблеме мы заострим внимание в следующей работе.

Источники | References

1. Бердяев Н. Судьба России. Опыт по психологии войны и национальности. М.: ЭКСМО-Пресс, 2000.
2. Быков Ю. Я всегда буду снимать кино о несовершенном человеке. 2010. URL: <http://www.taday.ru/text/538875.html>
3. Васильчиков А. Русское самоуправление. М.: Институт русской цивилизации, 2013.
4. Гринин Л. Е. Государство и исторический процесс: эпоха формирования государства. М.: УРСС, 2011.
5. Дворниченко А. Ю. Земская и государственная традиции в истории досоветской России // Дворниченко А. Ю. Российская история с древнейших времен до падения самодержавия. М.: Весь мир, 2010.
6. Дворниченко А. Ю. Российская история с древнейших времен до падения самодержавия. М.: Весь мир, 2010.
7. Журавлев В. В. Дихотомия реформ и революций в процессах модернизации России // Реформы в России с древнейших времен до конца XX века: в 4-х т. М.: Политическая энциклопедия, 2016. Т. 4.
8. История России с древнейших времен до конца XVII века / под ред. Л. В. Милова. М.: Эксмо, 2006.
9. Кантор В. К. «...Есть европейская держава». Россия: трудный путь к цивилизации. Историософские очерки. М.: РОССПЭН, 1997.
10. Кара-Мурза С. Г. Россия не Запад, или Что нас ждет. М.: Алгоритм, 2011.
11. Кожинов В. В. Россия. Век XX-й. М.: Алгоритм; Эксмо, 2008.
12. Лурье С. В. Историческая этнология. 2004. URL: http://yanko.lib.ru/books/cultur/lurie-istor_etnologiya-a.htm
13. Пивоваров Ю. Полная гибель всерьез: избранные работы. М.: РОССПЭН, 2004.
14. Цымбурский В. Л. Остров Россия. 2021. URL: <https://paraknig.me/reader/426453?page=1>
15. Шевченко В. Н. Российское государство и российская бюрократия: ретроспектива и перспектива // Бюрократия в современном мире: теория и реалии жизни / отв. ред. В. Н. Шевченко. М.: ИФРАН, 2008.
16. Эйдельман Н. Я. «Революция сверху» в России. 2021. URL: <https://booksonline.com.ua/view.php?book=95224>

Информация об авторах | Author information

Тамбиянц Юлиан Григорьевич¹, д. филос. н., к. соц. н., доц.
Гринь Максим Валентинович², д. филос. н., к. юрид. н., доц.
Иваненко Игорь Николаевич³, к. юрид. н., доц.

^{1, 2, 3} Кубанский государственный аграрный университет, г. Краснодар

Tambiyants Yulian Grigorievich¹, Dr
Grin Maxim Valentinovich², Dr
Ivanenko Igor Nikolaevich³, PhD

^{1, 2, 3} Kuban State Agrarian University, Krasnodar

¹ 09081969jlylian@rambler.ru, ² grin.m@kubsau.ru, ³ ivanenko.igor@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 13.09.2021; опубликовано (published): 29.10.2021.

Ключевые слова (keywords): историософский дискурс российской политической динамики; географический детерминизм; государственная централизация; русская община; политический процесс; historiosophical discourse of Russian political dynamics; geographic determinism; state centralization; Russian community; political process.